

«УТВЕРЖДАЮ»

Ректор федерального государственного
бюджетного образовательного учреждения

высшего образования

«Нижегородский государственный
лингвистический университет

им. Н.А. Добролюбова»,

доктор филологических наук,

профессор Ж.В. Никонова

2023 г.

ОТЗЫВ ВЕДУЩЕЙ ОРГАНИЗАЦИИ

федерального государственного бюджетного образовательного учреждения
высшего образования «Нижегородский государственный

лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова»

о диссертации Шипулина Алексея Григорьевича

«Особенности построения вторичных образов при переводе художественных
текстов», представленной на соискание ученой степени кандидата

филологических наук по специальности 5.9.8 – Теоретическая, прикладная и
сравнительно-сопоставительная лингвистика

В настоящее время переводческая деятельность как многогранное, многоаспектное явление стала объектом изучения многих научных дисциплин – психологии, психолингвистики, социологии, теории межкультурной коммуникации и других. Изучение особенностей переводческой деятельности, ее отличий от видов речевой деятельности, процесса осуществления перевода, решение проблемы оценки качества перевода вышло за пределы сугубо лингвистического переводоведения и осуществляется в соответствии с

антропоцентрическим подходом, ставящем в центр внимания субъекта осуществления определенной деятельности, в нашем случае – человека переводящего. По сути, само переводоведение как междисциплинарная дисциплина сместило акценты с изучения результатов переводческой деятельности на сам процесс перевода и лицо, обеспечивающее его протекание, что даже нашло отражение в попытках заменить традиционное обозначение науки Translation Studies на Translator Studies в зарубежном переводоведении (см. Kiraly Donald. Pathways to Translation. Pedagogy and Process. Kent State University Press, 1995). Именно в этом ключе выполнено диссертационное исследование А.Г. Шипулина, в котором ставится цель экспериментальным путем выявить универсальные и специфические закономерности влияния мысленных, или вторичных, образов, формируемых при восприятии и интерпретации художественного текста, на результаты переводческой деятельности индивида с фокусированием внимания на индивидуальных особенностях мысленных образов (с. 7). Вполне закономерно, что достижение поставленной цели невозможно без обращения к достижениям когнитивной транслатологии, дисциплины сравнительно молодой, но уже доказавшей свою значимость в исследовании процессуальной составляющей переводческой деятельности. В центре внимания исследователя находится процесс принятия переводческих решений, а точнее, зависимость этих решений от характера и способов формирования в сознании индивида-переводчика вторичных образов при переводе художественного текста. Этому аспекту художественного перевода, как, впрочем, и перевода вообще, до сих пор не уделялось достаточного внимания, при том что обращение именно к этой теме может способствовать выявлению действительных, а не предполагаемых когнитивных механизмов, происходящих в сознании переводчика в процессе перевода. Таким образом, представленное А.Г. Шипулиным исследование отличается **актуальностью.**

При этом следует отметить в качестве положительного момента рассмотрение автором диссертации именно вторичных образов в качестве

предмета исследования. Дело в том, что традиционное, сугубо лингвистическое, переводоведение рассматривает в качестве материала, с которым работает переводчик, прежде всего языковую ткань текста. В соответствии с современными подходами к изучению перевода неизменным компонентом переводческого процесса, происходящего в сознании переводчика, является восприятие, уяснение предметной ситуации, описанной в оригинале, по сути, формирование вторичных мыслительных образов, о которых пишет автор диссертации. Таким образом, сам использованный исследователем подход позволяет ему выйти за жесткие рамки тех моделей исследования перевода, которые не дают возможности выявить *сущностные* характеристики перевода как деятельности.

Опираясь на результаты отечественных и зарубежных исследований в области когнитивной науки, в первую очередь концепцию двусистемного познания и теорию встречного моделирования, автор выявляет природу феномена мысленного (вторичного) образа как медиатора речемыслительных процессов в художественном переводе, при помощи психолингвистического эксперимента определяет степень влияния вторичных образов предметного и пространственно-схематического характера на процесс перевода художественного текста, предлагает собственную модель процесса принятия переводческих решений в зависимости от индивидуальных склонностей к построению мысленных (вторичных) образов той или иной природы. Таким образом, диссертационное исследование А.Г. Шипулина отличается несомненной **научной новизной**.

А.Г. Шипулин делает вклад в разработку психолингвистической (деятельностной) теории перевода через постановку проблемы связи процесса перевода художественного текста с феноменом мысленного (вторичного) образа, без чего, как справедливо указывает сам автор, «изучение перевода как процесса, осуществляемого мыслящим, чувствующим и действующим индивидом, получает неполную научную интерпретацию» (с. 9). В этом заключается **теоретическая значимость** проведенного исследования.

Практическая значимость диссертационного исследования А.Г. Шипулина заключается в возможности использовать его результаты для проведения дальнейших исследований особенностей процесса перевода с позиций когнитивной науки, а также для уточнения некоторых положений дидактики перевода, в частности, касающихся организации преподавания художественного перевода. Так, представляется вполне возможным, используя результаты исследования А.Г. Шипулина, выявлять степень психологической предрасположенности обучаемых к выполнению именно художественного перевода на основе характера и механизмов формирования вторичных образов, используемых ими.

Для достижения указанной выше цели А.Г. Шипулин решает целый ряд задач, включающих выявление особенностей вторичного образа, способствующих адекватному переводу текста, проведение психолингвистического экспериментального исследования для выяснения влияния структурных особенностей вторичного образа на процесс перевода и его результаты, анализ и интерпретацию результатов экспериментального исследования, трактовку явлений и процессов, обнаруженных в ходе эксперимента, разработку когнитивной модели процесса перевода с учётом результатов эксперимента.

Решение этих задач позволяет автору прийти к выводам, сформулированным в виде выносимых на защиту положений, наиболее интересными из которых представляются следующие:

- Использование предметно-пространственных мысленных (вторичных) образов следует рассматривать как свойство мышления, влияющее на решение когнитивных задач различной степени сложности, включая художественный перевод, и способное иметь разную степень выраженности.
- Влияние пространственного воображения, т.е. способности к построению схем и выявлению пространственных отношений, на нахождение переводчиками адекватных вариантов в большинстве случаев невелико.

- Высокий уровень склонности к использованию предметно-ситуативных образов оказывает положительное влияние на нахождение переводчиком адекватных переводческих решений.

- Вербальные способности индивида не оказывают влияния на переводческие решения с точки зрения их соответствия ситуации, описываемой в тексте.

Работа А.Г. Шипулина выстроена вполне логично. Сформулированные в первой главе теоретические положения становятся основой для организации и проведения эксперимента и корректной интерпретации его результатов. Исследовательская глава («Экспериментальное исследование влияния индивидуальных особенностей использования мысленных образов на переводческие решения при переводе художественного текста») хорошо структурирована, содержит результаты анализа экспериментального исследования и вполне обоснованные выводы. Убедительности выводов автора способствуют представленные им таблицы и графики, а также приложения к диссертационному исследованию. По сути, А.Г. Шипулин предпринял попытку формализовать особенности вторичных образов на основе деления испытуемых на группы в зависимости от их предметного и пространственного мышления.

В качестве материала исследования использованы переводы отрывка художественного текста, выполненные 90 студентами Брянского государственного университета имени академика И.Г. Петровского.

Вполне естественно, что при чтении работы, посвященной столь сложному и, по сути, ненаблюдаемому явлению, как вторичные образы, возникает ряд вопросов.

1. Так, автор утверждает, что «многие переводчики и переводоведы рассматривают построение образов как средство, помогающее начинающим переводчикам избежать нежелательной интерференции. При таком подходе конструирование образов становится учебным упражнением» (с. 52). По сути, о том же автор пишет и на стр. 60 (то есть о склонности испытуемых к буквальному переводу). Действительно ли автор считает, что интерференция и

буквальный перевод характерны для деятельности только начинающих переводчиков? Не является ли первый (не окончательный) вариант перевода всегда буквалистским, то есть основанным на использовании межъязыковых соответствий? И если конструирование образов – это учебное упражнение, то можно ли этому вообще научить? При том что, по нашему мнению, понимание звучащего или написанного текста в принципе невозможно без создания мысленного образа представленной в тексте ситуации.

2. Следующий вопрос связан с предыдущим. Автор предполагает, что «использование мысленных, или вторичных по отношению к непосредственному восприятию действительности, ментальных образов имеет наибольшее значение именно при письменном переводе, который не столь жёстко ограничен временными рамками, как устный» (с. 58). Действительно ли при осуществлении устного перевода переводчик может обойтись без использования ментальных образов? Что же он тогда воссоздает? Нуждается в пояснении и вопрос о связи использования мысленных образов с временными ограничениями в переводе.

3. На стр. 69 А.Г. Шипулин приводит данные первого этапа эксперимента, свидетельствующие о том, что студенты Брянского государственного университета показали более низкие оценки пространственного воображения, чем население в целом и даже гуманитарии, взятые отдельно. Есть ли у автора объяснение этому факту?

4. Вопрос общего характера вызывает следующее утверждение автора: «Наличие трудностей понимания, связанных с малочастотными словами, должны, на наш взгляд, стимулировать обращение переводчиков к мысленному образу ситуации как основе для адекватной интерпретации текста в целом» (с. 78). Означает ли это, что читатель сначала должен обратиться к мысленному образу ситуации, чтобы понять, в каком значении использовано данное слово, или же он должен сначала понять, в каком значении использовано слово, чтобы создать мысленный образ ситуации? Как в данном

случае соотносятся анализ и синтез? Возможно, здесь приложимо понятие «герменевтического круга»?

5. Возможно ли, что когнитивная обработка информации при помощи мысленных образов по-разному осуществляется разными субъектами, воспринимающими текст? Этот вопрос вызван следующим утверждением: «...несогласованность ряда формальных межъязыковых соответствий с интегративным образом действительности, описываемой в тексте, с большей вероятностью отмечается теми переводчиками, которые проявляют сравнительно высокую предрасположенность к когнитивной обработке информации при помощи мысленных, т.е. вторичных образов» (с.82). И если все же существует предрасположенность к когнитивной обработке информации при помощи вторичных образов, то от чего зависит степень ее развитости?

6. Определение условно адекватных трансформаций как соответствующих логике переводного текста, но не смыслу оригинала (с. 83) представляется несколько туманным. Если трансформации не соответствуют смыслу оригинала, другими словами, если смысл перевода отличается от смысла оригинала, то что же здесь может быть адекватным? Или автор допускает подобные различия в смыслах двух текстов?

7. Требуется пояснение представления автора о роли прошлого опыта в создании вторичных образов. Он утверждает, что «практический опыт индивида перерабатывается в новые комбинации и формы, позволяя как создание творческих произведений, так и просто иной взгляд на вещи» (с. 100). Но это утверждение противоречит тому, что было сказано на предыдущей странице: «при восприятии текста способность к формированию мысленного образа каких-либо конкретных предметов из прошлого опыта в их целостности со всеми специфическими характеристиками, очевидно, не требуется» (с. 99).

Не все в представленном диссертационном исследовании воспринимается безоговорочно. Выскажем ряд замечаний и критических соображений.

1. Автор вполне справедливо отмечает, что перевод художественных текстов занимает особое место, поскольку «эстетическая наполненность и

специфика индивидуального стиля которых может ставить перед переводчиком очень нетривиальные задачи» (с. 59). К сожалению, «эстетическая наполненность» художественного текста не становится предметом обсуждения в представленном исследовании. При проведении эксперимента автор ограничивается разбиением текста на отдельные фразы и словосочетания либо анализирует способы передачи значений отдельных слов, при этом текст как таковой неизбежно перестает быть целостным образованием, которое, собственно, и должно восприниматься в качестве единицы перевода. И если уж судить об адекватности перевода, то следовало бы подняться именно на уровень текста и оценивать с этой точки зрения предложенные варианты (не отдельных фраз, а текста как такового!). Более того, было бы целесообразным в этом случае вообще отказаться от использования понятия «адекватный перевод», а использовать более точное (с точки зрения традиционной лингвистической теории перевода и даже современного переводоведения) понятие «эквивалентный перевод», вполне применимое к переводу отдельных фрагментов текста.

2. Представляется терминологически некорректным использование автором сочетания «выбор адекватных ситуации значений слов», когда речь на самом деле должна идти об уяснении читателем текста, в каком именно значении автор использовал данное многозначное слово. Ведь автор-то использовал его в каком-то одном конкретном значении, и уж если он написал switch, имея в виду «прутик», то и читатель должен понять, что речь идет о прутике. Так что говорить о некоем «выборе» значения не представляется возможным. У читателя/переводчика нет выбора.

3. При рассмотрении параметров текста, наиболее важных с точки зрения его понимания и перевода, автор проведенного исследования использует данные, полученные при помощи программного продукта Coh-Metrix, и, в частности, делает вывод, что параметры текста, использованного в рамках эксперимента, «близки к таковым для текстов средней старшей школы» (с. 77), другими словами, это текст примерно такой же сложности. И на стр. 79-80

автор пишет, что «средняя оценка по тексту (439,105) соответствует текстам по курсу английского языка и литературы (language arts) в американской школе». При этом не учитывается тот факт, что данные, полученные при помощи Coh-Metrix, позволяют судить о сложности текста с точки зрения американских школьников, но никак не с точки зрения российских студентов, для которых английский язык является все же иностранным. Это обстоятельство заставляет сомневаться в абсолютной обоснованности выводов автора о степени понятности предложенного испытуемым, то есть российским студентам, текста.

4. К сожалению, в своих размышлениях, касающихся собственно переводческих аспектов, автор опирается на положения традиционной, то есть сугубо лингвистической теории перевода, не учитывая некоторые новые тенденции в переводоведении. Так, ссылаясь на Л.С. Бархударова, В.Н. Комиссарова, Р.К. Миньяр-Белоручева, Я.И. Рецкера, автор пишет о переводческих трансформациях, таких как конкретизация, генерализация, антонимический перевод, компенсация, добавления, опущения, полные и частичные грамматические трансформации, смысловое развитие и другие (с. 61). Описание переводческого процесса и его результатов в терминах трансформаций было вполне закономерным явлением на начальном этапе развития науки о переводе. Обращаясь к положениям основоположников лингвистического переводоведения, мы, тем не менее, должны учитывать, что переводческие трансформации, как правило, обусловлены не столько осознанным решением переводчика, который обычно про них и не помнит, осуществляя перевод, сколько различиями в лексической и грамматической системах двух языков и в конвенциях построения текста на том или ином языке. Другими словами, чаще всего так называемые «трансформации» просто неизбежны, и у хорошо обученного переводчика просто нет выбора, когда он решает (вспоминает?), как данная ситуация обычно описывается на переводящем языке.

5. Сомнение вызывает принципиальная возможность (если таковая существует) использования студенческих переводов для выяснения

закономерностей переводческого процесса как такового и, в частности, использования вторичных образов в процессе перевода. Испытуемые, никогда не обучавшиеся художественному переводу и находящиеся на начальном этапе овладения переводческой профессией, заведомо неспособны предложить переводы, основанные на использовании действительных закономерностей переводческой деятельности. И, прежде всего, они не способны к визуализации действительности, представленной в тексте, а ведь именно воспитание в них стремления визуализировать эту действительность, создать в своем сознании образ описанной ситуации и является одной из задач подготовки переводчиков. И решается эта задача очень непросто и небыстро.

6. Замечание частного характера: автор утверждает, что вариант перевода *коттедж* для английского *cottage* «нельзя однозначно признать ошибочным вариантом». Представляется, что этот вариант именно ошибочный уже потому, что он не соответствует образу, представленному автором текста.

7. Ознакомление с текстом диссертации несколько затрудняется из-за наличия в нем пунктуационных ошибок и случаев несогласования слов.

Подобные замечания никак не влияют на общую положительную оценку работы А.Г. Шипулина. К защите представлено законченное, интересное исследование, результаты которого прошли апробацию на международных, всероссийских и региональных конференциях, а также отражены в 13 научных работах, из которых 3 опубликованы в изданиях, включённых в перечень рецензируемых научных журналов, рекомендованных ВАК. Автор достиг поставленной цели и раскрыл зависимость переводческих решений от степени использования мысленных (вторичных) образов при переводе художественного текста.

Диссертация «Особенности построения вторичных образов при переводе художественных текстов» полностью соответствует паспорту специальности 5.9.8, выполнена самостоятельно и на высоком уровне, является научно-квалификационной работой, в которой на основании выполненных автором исследований разработаны теоретические положения, совокупность которых

можно квалифицировать как научное достижение, и решена научная проблема, имеющая важное значение для лингвистической теории и переводоведения.

Работа полностью соответствует требованиям пп. 9-14 Положения о порядке присуждения ученых степеней, утвержденного постановлением Правительства Российской Федерации от 30.01.2002, № 74, в редакции от 24.09.2013 № 842, а ее автор, Алексей Григорьевич Шипулин, заслуживает присуждения ученой степени кандидата филологических наук по специальности 5.9.8 – Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика.

Отзыв составлен кандидатом филологических наук, профессором кафедры теории и практики английского языка и перевода ВГБОУ ВО «Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова» Петровой Ольгой Владимировной (специальность 10.02.04 – Германские языки).

Отзыв обсужден и утвержден на заседании кафедры теории и практики английского языка и перевода ФГБОУ ВО «Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова» (Протокол № 5 от 31 марта 2023 г.).

Зав. кафедрой теории и практики
английского языка и перевода
ФГБОУ ВО «Нижегородский государственный
лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова»,
д-р филол. наук, доцент

В.В. Сдобников

Почтовый адрес организации:

603155, Нижний Новгород, ул. Минина, 31-А,

Телефон (831) 436-15-75, Факс (831) 416-61-31

E-mail: admdep@lunn.ru,

Официальный сайт: www.lunn.ru

